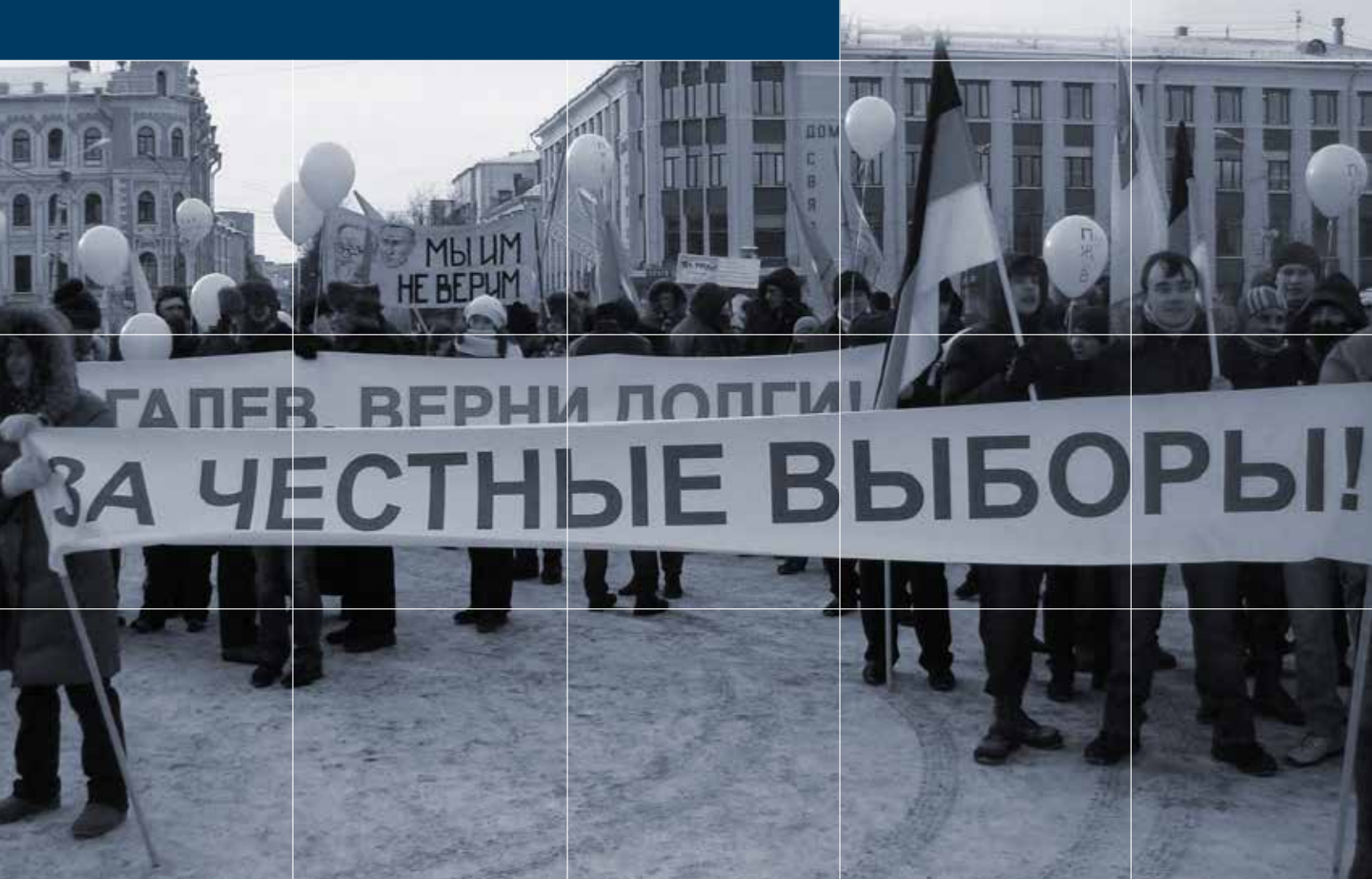

РЕЙТИНГ ДЕМОКРАТИЧНОСТИ РЕГИОНОВ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА КАРНЕГИ: 10 ЛЕТ В СТРОЮ

Николай Петров, Алексей Титков

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

РЕЙТИНГ ДЕМОКРАТИЧНОСТИ РЕГИОНОВ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА КАРНЕГИ: 10 ЛЕТ В СТРОЮ

Николай Петров,
Алексей Титков

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935 8904
Факс: +7 (495) 935 8906
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2013

Содержание

Краткое содержание	1
Введение	3
Методика экспертной оценки демократичности	5
Инструментальная оценка демократичности	9
Перспективы инструментальной оценки демократичности	13
Рейтинг электоральной демократии в ряду других рейтингов	14
Приложения	25
Литература	37
Примечания	41
Об авторах	43
Московский Центр Карнеги	45

Краткое содержание

Анализ положения дел с развитием демократических институтов и демократией в целом в такой гигантской стране, как Россия, не может быть полным при рассмотрении лишь общенационального уровня. В условиях высокого динамизма политических процессов велика роль инерции, и при ускоренном развитии в Центре аналогичные процессы на местах идут неравномерно и с существенным отставанием. Это значит, что при демократическом развитии на общенациональном уровне регионы могут быть более консервативными, а при развитии в противоположном направлении — наоборот. Так было и во время хаотичной демократизации 1990-х годов, и во время дедемократизации 2000-х. Кроме того, в ряде случаев побочным эффектом авторитаризации на федеральном уровне (например, значительного ослабления роли региональных глав) является некоторая демократизация на уровне региональном. Последнее обуславливает временный эффект разнонаправленности процессов демократического развития на федеральном и региональном уровнях.

Пространственный каркас демократичности

- Согласно экспертным и инструментальным (на основе электоральной статистики) рейтингам демократичности, рассчитываемым в Московском Центре Карнеги регулярно с начала 2000-х годов, лидерами по демократичности оказались Пермский край, Свердловская, Иркутская, Новосибирская области и Карелия, С.-Петербург и Красноярский край (можно говорить об уральско-сибирской антиклинали), Нижегородская, Самарская и Ярославская области. В лидерах — крупные и крупногородские регионы, индустриальные, не аграрные. Дихотомия «север — юг» в пределах экономически активной территории намного более выражена, чем «запад — восток».
- На противоположном полюсе — Чечня и Ингушетия, Чукотка, Мордовия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Курская область, Еврейская автономная область, Башкирия, Калмыкия. В подавляющем большинстве это национальные республики с их этноклановой спецификой и в политическом устройстве, и в политической культуре. Одновременно это главным образом небольшие регионы без крупных городов и промышленных центров.
- Есть особый феномен столицы: Москва в условиях политической стабилизации демонстрирует средний уровень, превращаясь в одного из главных лидеров перемен при нарастании динамики. Особо следует отметить «давление Москвы» — вокруг столицы нет ни чемпионов демо-

кратии, ни чемпионов по ее отсутствию. Ближайшие к столице «очаги демократии» — Ярославль и Нижний Новгород, остальные находятся либо далеко на Северо-Западе, либо вообще на Урале и в азиатской части страны.

Взгляд в будущее

- В декабре 2011 г. в стране завершился один этап политического развития и начался другой, что делает подведение итогов многолетних расчетов рейтингов демократичности особенно актуальным. Подобно переписи населения, проводимой раз в десять лет и корректирующей данные текущего учета, мы предлагаем новую базу для дальнейших расчетов рейтингов демократичности — за 2000-е годы, а не 1990-е, как ранее.
- Можно ожидать, что в ближайшие годы унификация форм регионального политического устройства будет снижаться, а неравномерность демократического развития в регионах увеличиваться. Страна вступает в новый период редемократизации политической жизни на местах.
- Россия с ее несколькими десятками регионов представляет собой уникальный полигон для изучения особенностей демократического развития в постсоветских странах. При этом рейтинги, отражающие неравномерность политического развития в регионах, отнюдь не самоцель. Следующим этапом должно быть построение объяснительной модели.

Введение

Демократичность — это интегральное выражение политического климата в стране, состояния общества, его взаимоотношений с властью. Она не одномоментна и не однопланова, поэтому ее нельзя ни наблюдать «невооруженным глазом», ни замерять непосредственно, можно лишь оценивать, и субъективизм здесь неизбежен. При этом, однако, в современном бурно развивающемся (в том числе и политически) мире важно отслеживать изменения, происходящие в данной сфере. Делать это помогают рейтинги демократичности, позволяющие не только оценить политическую динамику в отдельно взятой стране, но и соотнести страны между собой.

В мире накоплен большой опыт расчета рейтингов демократичности. Это прежде всего «Freedom House» (ФН) и их специальный проект «Nations in Transit», ежегодно с 1995 г. оценивающий динамику продвижения к демократии в 29 странах Центральной Европы и Центральной Азии. Итоговая оценка ФН рассчитывается на основе нескольких параметров: демократичности управления, выборов, гражданского общества, независимых СМИ, судебной системы и коррупции. С 2005 г. оценка демократичности управления дается отдельно для общенационального и локального уровней.

Россия в рейтинге ФН занимает в 2013 г. незавидное седьмое место с конца, причем, демонстрируя с 2004 г. устойчивую негативную динамику, она с 2009 г. входит в наименее демократичную группу консолидированных авторитарных режимов¹.

Никак не подвергая сомнению ни результаты работы высококвалифицированных экспертов ФН, ни используемую для межстрановых сравнений методику, отметим особое положение России и, пожалуй, Украины как крупнейших по населению и размерам территории стран, в отношении которых оценка положения дел на общенациональном уровне должна дополняться оценкой ситуации на региональном уровне. В отношении России это особенно справедливо по крайней мере по двум причинам: здесь велика инерция, и при ускоренном развитии в центре аналогичные процессы на местах идут с существенным отставанием. Это значит, что при демократическом развитии на общенациональном уровне регионы могут быть более консервативными, а при развитии в противоположном направлении — наоборот. Так было и во время хаотичной демократизации 1990-х годов, и во время дедемократизации 2000-х. Немаловажно и то, что в ряде случаев побочным эффектом авторитаризации на федеральном уровне является некоторая демократизация на уровне региональном. Последнее особенно хорошо видно на примере губернаторов: будучи ослаблены как акторы на федеральном уровне, они ослабели и как

доминантные фигуры в регионах, что в ряде случаев имело следствием рост политического плюрализма и конкуренции, более выраженное разделение властей и пр.

Неравномерность политического развития в регионах обуславливает важность расчета рейтингов демократичности применительно к отдельным регионам. Для России, где несколько десятков регионов развивались в 1990-е годы практически в полуавтономном режиме, это особенно важно. В принципе рассчитывать рейтинги демократичности регионов можно было бы на манер ФН — с тщательным экспертным анализом и составлением подробного описания по каждому региону и последующим коллегиальным приведением всех оценок к общему знаменателю. Это, однако, требует больших ресурсов и очень серьезной организации. Можно подступиться к проблеме иначе,

Неравномерность политического развития в регионах обуславливает важность расчета рейтингов демократичности применительно к отдельным регионам.

как мы попробовали сделать в 1997 г. [Петров 1998а, с. 139—146] — опросили два с половиной десятка ведущих специалистов по вопросам развития в регионах, попросив каждого отобрать по десять регионов, которые в наибольшей и, наоборот, в наименьшей степени соответствуют нормам демократии. На втором этапе опроса предлагалось дать оценку отдельным характеристикам региона, чтобы объяснить, хотя бы частично, сделанный ранее выбор и выявить представления самих экспертов о демократии. Характеристики включали в себя: открытость региона, его «прозрачность», доступность его политической и общественной жизни для внешнего наблюдателя; существование в регионе реальной политической оппозиции и условия ее деятельности; институционализацию власти, т. е. совпадение реальных центров власти и механизмов принятия решений с предусмотренными законом институтами; демократизм выборов и, наконец, демократизм руководителя региона.

В оценках каждого эксперта сочетались конкретное и глубокое знание положения дел в немногих регионах, которые он хорошо знал лично, и подхваченные им сложившиеся расхожие впечатления и стереотипы относительно остальных регионов. При суммировании оценок и выведении средних первые, если они не находили подтверждения в оценках коллег, терялись в статистическом «шуме», а последние, складываясь, выходили на первый план. Результат опроса, таким образом, получился вполне объяснимым на уровне обывательского здравого смысла и показывал прежде всего наиболее распространенные стереотипы в отношении демократизма регионов.

Стереотипы оказались следующими: 1) «регион играет лидер» — степень демократичности оценивается по персоне главы региона; демократичен регион, где лидер — «демократ»; 2) демократичность — это голосование за «демократов»; 3) демократичность — это проведение либеральных реформ в экономике; 4) демократичный регион — это регион, о котором говорят, что он «демократичный»; 5) чем в регионе больше населения и чем оно более городское, тем он более демократичный; 6) недемократич-

ный регион — это не регион, где хуже, а регион «на свету», с большим количеством скандалов.

Избежать систематических ошибок, обусловленных как разной степенью информированности о ситуации в регионах, так и стереотипами общественного сознания, может помочь, с одной стороны, инструментализация оценки на основе использования доступной количественной информации, с другой — уменьшение числа экспертов при значительной детализации самой оценки, ее расчленении на дробные составляющие. Первый подход несет на себе печать субъективизма при установлении «формулы демократичности» и ограничен наличием регулярно обновляемой информации по всем регионам. Второй подход весьма трудоемок и требует переработки обширной первичной информации по каждому региону. При этом он оправдывает себя, когда а) обеспечивается относительное единообразие при оценке ситуации в каждом регионе, что дает региональную составляющую положения дел с демократией, и б) оценка делается не одновременно, разово, но повторяется из года в год, что дает динамику положения дел с демократией. Обширный банк данных, накопленный в рамках проекта Московского Центра Карнеги (МЦК) по социально-политическому мониторингу регионов в 1995—2012 гг., дает возможность приступить к отслеживанию пространственного разнообразия и временной динамики демократичности регионов России.

Методика экспертной оценки демократичности

Детализация оценки наталкивается на проблему наличия соответствующей информации по каждому из регионов, связанную как с политическим календарем (ведь не каждый год в регионе, например, проходят выборы), так и с информационной тенью, в которой пребывают некоторые регионы, особенно небольшие и далекие от столиц. С целью сглаживания неравномерности информации по регионам в пространстве и времени нами была взята некая базовая оценка регионов за все 1990-е годы, которая потом ежегодно корректировалась. Причем для компенсации различий в политической насыщенности последнего года и сглаживания резких колебаний использовался метод «скользящей средней», т. е. оценка давалась не за год, а за последние пять лет.

В предлагаемых экспертных оценках демократичности: базовой за 1991—2001 гг. и текущих, регионы оценивались по пятибалльной шкале по каждой из следующих позиций:

- *региональное политическое устройство* (реальный баланс властей, их избираемость/назначаемость, независимость суда и правоохранительных органов, ограничения и нарушения прав граждан);
- *открытость/закрытость политической жизни* (прозрачность и вовлеченность в общенациональную);

- *демократичность выборов*: национальных, региональных, местных (наличие честных и свободных выборов на всех уровнях, их конкурентность, роль «административного фактора» включая прямое вмешательство властей, суды и т. д., наличие ограничений в реализации активного и пассивного избирательного права, нарушений на выборах);
- *политический плюрализм* (наличие стабильных партий и фракций в законодательных собраниях, коалиций на выборах и после них; политическая конкуренция и полицентризм);
- *независимость СМИ* (наличие СМИ, неподконтрольных администрации, их читательская аудитория, роль в политической жизни, давление со стороны властей);
- *коррупция* (сращивание политических и бизнес-элит, коррупционные скандалы, эффективность борьбы с коррупцией);
- *экономическая либерализация* включая приватизацию (региональное законодательство и правоприменительная практика, скандалы по поводу собственности);
- *гражданское общество* (неправительственные организации, референдумы, различные формы несанкционированной сверху общественной активности включая митинги, демонстрации, забастовки и др.);
- *элиты*: качество, воспроизводство/сменяемость (смены лидеров, осуществляемые посредством выборов и не приводящие к демонтажу всей системы власти, разнообразие элит и действенность механизмов согласования их интересов);
- *местное самоуправление* (избираемые органы местного самоуправления, их активность и влияние).

Шкала в случае каждого параметра «растягивалась» от единицы до пяти, т. е. сначала определялись регионы с минимальным и максимальным значением признака, которым и присваивались первая и пятая оценки, а потом все остальные расставлялись между этими полюсами. Интегральная оценка рассчитывалась как простая сумма поэлементных.

Общая картина и динамика

Итоговые рейтинги варьируют в не очень широком диапазоне: от 1,9 (Чечня, Ингушетия, Чукотка) до 4,3 (Пермский край), что говорит о заметной вариации частных оценок в случае как наиболее демократичных, так и наименее демократичных регионов (рис. П1 и П2 приложения). Иными словами, у нас нет ни чемпионов демократии во всех номинациях, ни чемпионов по ее отсутствию во всех сферах. Подавляющее большинство регионов (порядка двух третей общего их числа) попадает в весьма узкий диапазон — средняя плюс-минус 0,5.

В лидерах Пермский край (4,3) и Свердловская область (4,2), далее идут Иркутская, Новосибирская области и Карелия (по 4,0), С.-Петербург и Красноярский край (по 3,9), Нижегородская, Самарская и Ярославская

области (по 3,8). Состав группы лидеров позволяет говорить об уральско-сибирской синклинали. В лидерах крупные и крупногородские регионы, индустриальные, не аграрные. Дихотомия «север — юг» (естественно, в пределах экономически активной территории) намного более выражена, чем «запад — восток».

На противоположном полюсе — Чечня и Ингушетия, Чукотка, Мордовия (по 1,9), Кабардино-Балкария (20), Северная Осетия (22), Курская область (2,2), Еврейская автономная область (2,3), Башкирия (2,3), Калмыкия (2,3). В подавляющем большинстве это национальные республики с их этноклановой спецификой и в политическом устройстве, и в политической культуре. Впрочем, этноспецифика вовсе не обязательна, о чем свидетельствуют входящие в замыкающую десятку Курская область и Еврейская автономная область, а также непосредственно примыкающие к ним Курганская и Кемеровская области. Одновременно это небольшие регионы без крупных городов и промышленных центров (исключение — Башкирия).

Есть особый феномен столицы: Москва в условиях политической стабилизации демонстрирует средний уровень, превращаясь в одного из главных лидеров перемен при нарастании динамики. Сходным образом себя ведет и Московская область, значительная часть которой представляет с Москвой единую столичную агломерацию. Особо следует отметить «давление Москвы» — вокруг столицы нет ни чемпионов демократии, ни чемпионов по ее отсутствию. Ближайшие к столице «очаги демократии» — Ярославль и Нижний Новгород, остальные находятся либо далеко на Северо-Западе, либо вообще на Урале и в азиатской части страны.

Особую ценность для исследователя представляют контрасты во времени и в пространстве, могущие свидетельствовать о главных факторах демократического развития регионов. Все 2000-е годы средний по регионам уровень медленно, но верно рос — на фоне неуклонного снижения демократичности по стране в целом. При этом в паре регионов в эти годы положение с демократией заметно ухудшилось (это прежде всего Хакасия и Кемеровская область). В ряде случаев, наоборот, в 2000-е годы произошел заметный рост демократичности в сравнении с 1990-ми — где резко, как в Калмыкии, Коми, Якутии, Приморье, а где постепенно, как в Красноярском крае, Владимирской, Воронежской, Псковской, Ульяновской областях, Ненецком автономном округе (см. табл. П1 и П2 приложения). Резких пространственных контрастов в уровне демократичности немного, и в большинстве случаев они сводятся к различиям между национальными республиками и русскими регионами, с одной стороны, аграрными и индустриальными регионами — с другой. Самую пеструю картину можно наблюдать в Поволжье, где соседствуют наиболее демократичные (Нижегородская, Самарская области) и наименее демократичные (Мордовия) регионы, а также на юге Урала и Западной Сибири, где, впрочем, феномен

Есть особый феномен столицы: Москва в условиях политической стабилизации демонстрирует средний уровень, превращаясь в одного из главных лидеров перемен при нарастании динамики.

недемократичных Курганской и Кемеровской областей во многом объясняется региональным застоем в условиях долгой несменяемости лидеров.

Подходы к объяснению вариации демократичности

Следующим этапом должно быть построение объяснительной модели. Стабильность рейтингов на протяжении десятка лет, за которые в большинстве регионов сменились лидеры, причем зачастую не единожды, а то и вся политическая элита, показывает, что объяснения вариации надо искать среди долговременных факторов. Это не означает, что личностный фактор не действует вовсе. Достаточно посмотреть на Кемеровскую область с А. Тулеевым во главе, чтобы убедиться в обратном. Хотя это скорее исключение, подтверждающее правило.

Не очень помогает и институциональный подход. Да, действительно, в 1990-е годы наблюдалось огромное разнообразие институтов в регионах вроде двухпалатных парламентов, советов безопасности, ротации при формировании законодательных собраний и пр. (см.: [Петров 1998а, с. 125—132]). 2000-е годы были отмечены унификацией институционального устройства на местах. Поэтому говорить скорее можно о том, что а) одни и те же институты очень по-разному работают в разных регионах и б) на одной почве институты возникают и приживаются, а на другой — нет.

Из предлагавшихся в разное время объяснений региональных различий в демократичности наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляют следующие. Они, по-видимому, и должны лечь в основу объяснительных моделей.

1. «Базис — надстройка». Наличие в регионе нескольких сильных экономических игроков при отсутствии явного доминирования одного из них. Экономический плюрализм обуславливает политическую конкуренцию, наличие соперничающих фракций внутри элит и, как следствие, отсутствие у любой из них монополии на власть. Игроки заинтересованы в поддержании правил и институтов, выработке компромиссов. Хорошим примером могут служить Иркутская область и Пермский край. При этом, однако, в чересчур мощном регионе, таком, например, как С.-Петербург или Москва, экономических игроков оказывается слишком много, отдельные бизнес-элиты не в состоянии играть самостоятельную роль, они подмяты элитами административными.

2. «Большой значит прекрасный». Наличие критической массы населения, включая крупный городской центр с вузами и исследовательскими структурами, активными организациями гражданского общества. Демократичности способствует множественность мест приложения труда и невозможность контролировать все из одного центра. Сюда же добавляется постиндустриальная экономика, на которой акцентирует внимание Н. Зубаревич, говоря о «России-1». Естественно, лидеры здесь — столицы, Москва и С.-Петербург. Хорошим примером может служить также Новосибирская область, как и почти все регионы с городами-миллионниками. В противовес этому небольшой по численности

населения регион имеет куда меньше шансов на полноценную конкуренцию и развитые институты.

3. «Территориальная база конкуренции». При прочих равных условиях велико значение пространственной структуры региона: его территориальные размеры, наличие не одного-единственного центра. Это служит базой для постоянной конкуренции среди элит. Примеры: с одной стороны, в случае большого региона (той же Свердловской области) играет роль и «критическая масса», с другой — наличие второго крупного центра, сопоставимого с центром региона, может и не влиять, как, например, в Кемеровской области. В крупном моноцентричном регионе, например, в Новосибирской области, позитивную роль может сыграть конкуренция между региональной и столичной городской властями.

4. «Корни — крона». Историко-культурные особенности (включая этнические) и траектория политического развития. Самостоятельность и предприимчивость граждан удаленных от европейского центра страны регионов, например, Сибири и Дальнего Востока. Толчок — конституирующие выборы, как в 1993 г., когда прошла первая серия губернаторских выборов в регионах, где элиты не приняли ельцинских назначенцев: в Амурской, Брянской, Липецкой, Орловской, Пензенской, Смоленской, Челябинской областях и Красноярском крае. Президентские назначенцы проиграли тогда везде, кроме Красноярска, но традиция смены лидера посредством выборов оказалась продолжена и на следующих выборах — многие из победителей 1993 г. потеряли свои посты.

5. «Саморазвитие — наведенное влияние». Большую роль могут играть внешние воздействия: интенсивность федерального контроля и вмешательства (в первом приближении это расстояние до Москвы, наличие администрации полпреда в федеральном округе). Это влияние, даже ситуативно позитивное, чаще всего в итоге оказывается скорее минусом, чем плюсом. Сюда же следует отнести открытость-закрытость региональных элит, особенно заметную в случае национальных республик. Внешние инвестиции, приход в регион крупных игроков извне тоже подрывают политическую монополию и могут способствовать демократизации. Наконец, близлежащий более демократичный и при этом успешный регион может играть роль модели, примера для подражания.

Уже беглый взгляд на первую десятку регионов в рейтинге демократичности показывает, что здесь играет не один, не два, а многие факторы. Задача исследователя — во-первых, понять, какие и как, во-вторых, оценить возможность влияния на них — максимизации эффекта позитивных и минимизации негативных.

Инструментальная оценка демократичности

Для контроля субъективной экспертной оценки демократичности нами была предложена объективизированная инструментальная оценка, рас-

считывавшаяся на основе электоральной статистики. Выборы позволяют зафиксировать и оценить множество ключевых для определения демократичности региона параметров: общее состояние общества и его политическую активность, развитость институтов гражданского общества, роль элит и политических партий, административный контроль на выборах, разделение властей, правоприменительную практику и др. Детальную оценку демократичности выборов оптимально делать раз в пять-шесть лет — по завершении большого выборного цикла.

Инструментальная электоральная оценка демократичности воспроизводима — любой использующий ее методику эксперт получит тот же результат.

Инструментальный индекс демократичности рассчитывался как среднее арифметическое 11 частных индексов, учитывающих:

- участие в думских и президентских выборах;
- участие в выборах главы исполнительной власти региона;
- конкурентность выборов в Госдуму по партийным спискам, измеряемую эффективным числом партий;
- конкурентность на губернаторских выборах, измеряемую эффективным числом кандидатов;
- конкурентность на губернаторских выборах, измеряемую как отрыв победителя;
- сменяемость глав регионов на выборах;
- голосование «против всех» на выборах главы региона;
- голосование «против всех» на выборах в Госдуму по партийным спискам и на выборах президента России;
- голосование «против всех» на выборах в Госдуму по одномандатным округам;
- нарушения на региональных выборах;
- нарушения на федеральных выборах в регионе.

Методика расчета инструментального рейтинга демократичности для избирательного цикла 1999—2000 гг. подробно изложена в [Petrov 2004]. Она предполагала десятибалльную оценку по каждому из параметров, причем более высокий балл соответствовал меньшей демократичности.

Участие в выборах федерального уровня бралось как среднее арифметическое между участием в думских и президентских выборах, причем в соответствии с инверсивной моделью, сложившейся еще на рубеже 1980-х и 1990-х годов, более высокое участие рассматривалось как показатель административной мобилизации, свидетельствующий о меньшей свободе и демократичности. Регионы с наибольшими различиями в участии в выборах декабря 1999 г. и марта 2000 г. получали дополнительные «штрафные» 1—2 балла.

Участие в региональных выборах в целом существенно ниже, чем в федеральных, — средняя разница в цикле 1999—2000 гг. составила 12 про-

центных пунктов. Этот уровень был взят нами за основу при оценивании электоральной демократичности: отклонения от него в обе стороны рассматривались как свидетельства меньшей демократичности. Меньшее отклонение рассматривалось как свидетельство административной мобилизации, а большее — как отсутствие интереса к региональным выборам в силу низкой демократичности.

Конкурентность является важнейшим показателем демократичности выборов. Мы использовали три показателя конкурентности: *эффективное число партий на выборах в Госдуму* (в среднем по регионам оно составляло 6,8 и варьировало от 1,3 в Ингушетии и 2,0 в Туве до 9,3 в Пермской области и 9,7 в Ненецком автономном округе), *эффективное число кандидатов на выборах главы региона* (в среднем — 3, вариация — от 1,2—1,3 в Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Мордовии, Хабаровском крае, Кемеровской, Мурманской, Новгородской, Орловской областях до 7,1 в Приморском крае и Новосибирской области), *отрыв победителя на губернаторских выборах* (средний отрыв победителя в цикле из 72 выборов 1999—2002 гг. составил 40,2 процентных пункта и варьировал от 90 пунктов в таких регионах, как Кемеровская и Орловская области, до нуля и даже отрицательных значений там, где будущий победитель второго тура пришел на первом туре вторым).

Сменяемость глав регионов на выборах оценивалась в баллах следующим образом: отсутствие случаев замены главы региона на выборах (9—10 баллов), отсутствие смены главы на последних выборах при наличии такой смены в прошлом (7—8), смена главы не в результате выборов, а вследствие отставки или перехода на другой пост (5—6), замена главы на представителя региональной или федеральной элиты посредством выборов (3—4), приход на выборах главы региона кандидата не из истеблишмента (1—2 балла).

Негативизм — *голосование «против всех»* — является традиционной формой электорального протеста. Мы рассматривали четыре разных вида голосования «против всех»: по спискам и в одномандатных округах на выборах в Госдуму 1999 г., на президентских выборах 2000 г. и на выборах главы региона. На губернаторских выборах и выборах в Госдуму по одномандатным округам средний уровень голосования «против всех» брался в качестве нормы, отклонения же от него трактовались либо как свидетельство чрезмерного административного контроля, либо как сигнал о недовольстве избирателей разного рода нарушениями в ходе выборов. В случаях президентских выборов и голосования за партийные списки (одинаковых во всех регионах) негативизм рассматривался как проявление активности избирателей. Статистически незначимая корреляция между всеми четырьмя показателями негативизма свидетельствует о том, что их нельзя интерпретировать как некую общую протестную реакцию и что за каждым из них стоят разные явления.

Универсального показателя, способного оценить все возможные *нарушения на выборах*, не существует. Нами использовались три системы индикаторов: для федеральных выборов это были три градации «свободы выборов»

группы «Меркатор» и база нарушений региональной программы МЦК, для губернаторских выборов 1999—2002 гг. — результаты экспертной оценки. Хотя корреляция между всеми тремя индикаторами оказалась весьма высока, в целом нарушения на региональных выборах более заметны, но есть и случаи, когда региональные выборы выглядят более честными.

Инструментальные рейтинги демократичности варьируют в весьма широком диапазоне — от 2,4 (Пермская область) до 8,3 (Кабардино-Балкария). Их распределение близко к нормальному и несколько скошено к демократическому краю. Большинство регионов приходится на средний уровень: 40 из них сосредоточено в интервале от 3,5 до 4,5. Наибольший перепад отделяет десятку наименее демократичных регионов от всех остальных.

В целом, хотя сохраняется некий северный градиент усиления демократичности по мере продвижения от более аграрного, сельского и патерналистского юга к более индустриальному, урбанизированному и индивидуалистскому северу, во многих случаях регионы с почти полярными рейтингами демократичности являются близкими соседями.

Сравнение корреляций между интегральным рейтингом демократичности выборов и 11 частными его составляющими показывает, что корреляция с интегральным индексом особенно высока для двух параметров: участия в федеральных выборах (0,73) и нарушений на федеральных выборах (0,75) — они, таким образом, дают наилучшее представление об общем уровне демократичности региона. Наиболее демократичные регионы в первую очередь объединяет, пожалуй, отсутствие консолидированной властной элиты и наличие политических конфликтов в недавнем прошлом и настоящем. Последние особенно характерны для взаимоотношений губернаторов и мэров столиц. В Пермской и Новосибирской областях на последних выборах мэры заняли губернаторский офис, интенсивны конфликты между городским и региональным главами в Нижегородской области, на Камчатке и на Сахалине. В Тамбовской, Ивановской и Камчатской областях выражен конфликт между властной элитой и оппозицией, в Калининграде и на Камчатке — между исполнительной и представительной властями, в столичных Московской и Ленинградской областях — между влиятельными субрегиональными элитами, почти повсеместно — между кланами внутри властной элиты.

Трудно представить себе эксперта, который бы отнес все поименованные выше регионы к наиболее демократичным в стране — уж слишком они отличны от устоявшегося канона. Это показывает и силу, и слабость нашего подхода к оцениванию. Прежде всего, применяемая методика исключает влияние личных симпатий и антипатий эксперта. С другой стороны, значительное расхождение состава группы лидеров с общими представлениями может стать поводом для критики. В любом случае некоторая контринтуитивность оценок в отношении наиболее демократичных регионов полезна, поскольку разбивает стереотипы и стимулирует дискуссию и дальнейшие исследования. Десятка наименее демократичных регионов гораздо менее спорна.

Две различные оценки демократичности — базовая экспертная за 1991—2001 гг. и инструментальная на основе электоральной статистики 1999—2002 гг. — обнаруживают относительно высокую корреляцию между собой (0,61), что свидетельствует не только о полезности и точности экспертных оценок, но и о целом и весьма всестороннем характере статистического анализа электорального поведения.

Рейтинги, рассчитанные по электоральному циклу 2003—2004 гг., заметно отличаются от предыдущих. Сравнивая их с 1999—2002 гг., можно заметить, что при значительной преемственности региональных рангов на уровне отдельных регионов произошли заметные подвижки. В первой десятке регионов сохранили свое положение лишь пять, в последней — семь. Наибольший интерес представляют резкие изменения положения регионов. В 13 случаях итоговый ранг регионов изменился на 20 и более позиций включая рекордные подвижки в Тюменской и Курской областях, которые фактически поменялись местами: Тюменская с 14-го места опустилась на 55-е, а Курская, наоборот, с 53-го поднялась на 15-е. Интересен и случай Пермской области, не просто утратившей лидерство, но перешедшей с 1-го сразу на 32-е место — во вторую треть списка. Такие изменения свидетельствуют о нестабильном, переходном характере российской электоральной демократии.

Перспективы инструментальной оценки демократичности

В настоящее время мы завершаем работу над рейтингом электоральной демократии (РЭД), представляющем собой новую, значительно переработанную версию инструментального рейтинга демократичности Московского Центра Карнеги 2002—2005 гг. Инструментальный рейтинг демократичности существовал как своего рода дополнение к более известному экспертному рейтингу демократичности регионов и публиковался только в связке с ним (см.: [Петров 2002; Петров 2005; Petrov 2004; Петров, Титков 2005 и др.]; обсуждение обоих рейтингов см.: [Сидоренко 2005; Сидоренко 2006]). Экспертный и инструментальный рейтинги задумывались как равнозначные, дополняющие друг друга. На практике, однако, «лицом проекта» стал экспертный рейтинг, именно к нему относится подавляющая часть упоминаний рейтинга МЦК, его критические обсуждения [Гельман 2006; Lankina, Getachew 2006; Gervasoni 2010 и др.] и использование в исследованиях [Akhmedov, Zhuravskaya 2004; Remington 2008; Saikkonen 2009 и др.].

Необходимость переделки инструментального рейтинга демократичности и его самостоятельного представления вызвана следующим:

- Рейтинг был привязан к политическим условиям второй половины 1990-х — первой половины 2000-х годов (думские выборы по смешанной системе, прямые выборы губернаторов), для продолжения использования нужно было сделать его более гибким, приспособленным

к последующим изменениям: отмене графы «Против всех» (с 2006 г.), замене губернаторских выборов назначениями (в 2005—2012 гг.), переходе к пропорциональной системе выборов на общенациональном уровне (с 2007 г.) и к пропорциональной или смешанной на региональном (с 2003 г.).

- Рейтинг образца 2002—2005 гг. не полностью отвечал задачам, которые ставились его авторами. Инструментальный рейтинг по замыслу должен был быть независимым от субъективных экспертных оценок и дать возможность отслеживать динамику изменений от года к году. В действительности он включал в себя оценочный (экспертный) показатель «Нарушения на выборах», а его шкала была устроена так, что должна была пересматриваться после каждого большого избирательного цикла (думские плюс президентские выборы), т. е. не могла обеспечить длинный ряд для сравнения.

Рейтинг электоральной демократии в ряду других рейтингов

Различные рейтинги демократии, межстрановые и межрегиональные², могут быть упорядочены прежде всего по двум измерениям, часто связанным между собой:

- Концепция демократии, лежащая в основе рейтинга. Выбор делается в первую очередь между «минималистским» определением демократии Й. Шумпетера и его последователей, которые считают ключевым признаком демократии конкуренцию на выборах³, и «широкими» теориями, считающими необходимыми компонентами демократии также соблюдение личных и гражданских прав, социальную защиту, законность (rule of law), качество управления (good governance), учет интересов меньшинств и др.
- Индикаторы демократии, которые могут быть преимущественно экспертными или основываться на статистических показателях, не требующих экспертной оценки⁴.

Рейтинги, основанные на минималистском определении демократии, чаще строятся на измеряемых количественных показателях, рейтинги «расширенной» демократии в большей степени требуют экспертных оценок, но такое тяготение носит лишь вероятностный, не жесткий характер. Достаточно сказать, что модель Р. Даля, близкая к «минималистскому» пониманию демократии, стала основой для рейтингов (ранжирований), состоящих в значительной мере из экспертных оценок (см. [Даль 2010; Dahl 1971, p. 267—287]).

Представленный рейтинг электоральной демократии в таких координатах будет охарактеризован как расчетный (не экспертный) рейтинг, отвечающий «расширенно минималистскому» определению демократии,

т. е. пониманию ее как конкуренции на выборах плюс еще одно необходимое измерение (массовое участие, возможности для выражения протеста). В сравнении с рейтингами, отражающими «широкое» определение демократии (как правило, экспертными), рейтинги такого типа можно определить как более простые — как в смысле относительной простоты и экономичности расчетов, так и из-за возможной критики за излишнюю схематизацию сложного понятия демократии, а также более объективные, свободные от возможной предвзятости экспертных оценок.

В своей нише (расчетные «расширенно минималистские») рейтинг электоральной демократии должен быть сопоставлен прежде всего с двумя типологически похожими рейтингами, также применявшимися к оценке регионов России: описанным выше индексом демократии (демократизации) Т. Ванханена и рейтингом электоральной свободы группы «Меркатор».

Индекс демократии Т. Ванханена. Исключительно простой индекс демократии Т. Ванханена (произведение доли взрослых граждан, участвующих в выборах, на долю голосов, набранных оппозиционными партиями/кандидатами) в части доли участвующих в выборах не всегда логичен для посткоммунистических стран и регионов.

Для оценки регионов России индекс демократии Т. Ванханена использовался по крайней мере однажды, в исследовании В. Нечаева [Нечаев 2004, с. 103—105], в котором для расчета индекса были использованы данные о последних для каждого региона выборах главы (губернатора). Выбор индекса В. Нечаев обосновывал кроме доступности данных и простоты расчета также тем, что значения индекса Ванханена по странам мира показывают значительную корреляцию с другими индексами демократии, в частности, с индексом институциональной демократии «Polity III» [Нечаев 2004, с. 104]. Нечаев считает индекс Ванханена применимым с оговорками, замечая, в частности, что высокие значения этого индекса получил «ряд регионов, политические режимы которых устойчиво относятся большинством исследователей к авторитарным, такие, как Калмыкия или Башкортостан».

Сравнение индекса Ванханена по регионам России (расчеты В. Нечаева) с относящимся к тому же периоду экспертному рейтингу демократичности регионов МЦК [Петров, Титков 2005] обнаруживает прежде всего отсутствие какой-либо значимой статистической связи между ними (корреляция $-0,08$), а также следующие существенные отличия (табл. 1):

- индекс Ванханена систематически занижает по сравнению с экспертной оценкой показатели «самых демократических» регионов (Пермской, Свердловской, Самарской, Нижегородской, Новосибирской, Иркутской областей и др.), главным образом из-за традиционно невысокой, ниже средней по России, явки на выборы в регионах такого типа;
- индекс Ванханена дает более благоприятные оценки небольшим регионам с традиционно конкурентной политической средой (Брянской, Псковской, Рязанской, Тверской, Сахалинской областям и др.), возмож-

Таблица 1. Сравнение значений индекса демократии Ванханена (ID) и экспертного рейтинга демократичности Московского Центра Карнеги по регионам России, 2004 г.

Значения рейтинга МЦК	ID более 30	ID менее 30	Недемократические (неконкурентные)
35 и более	Красноярский край, Архангельская, Калининградская области (3)	Карелия, Коми, Иркутская, Ленинградская, Нижегородская, Новосибирская, Пермская, Самарская, Свердловская, Челябинская области (10)	Московская, Новгородская области (2)
25—34	Алтай, Марий Эл, Удмуртия, Чувашия, Якутия, Алтайский, Приморский, Ставропольский края, Брянская, Волгоградская, Камчатская, Кировская, Магаданская, Псковская, Рязанская, Сахалинская, Тверская области (17)	Бурятия, Белгородская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Омская, Оренбургская, Пензенская, Саратовская, Смоленская, Тульская, Тюменская, Ульяновская, Читинская области (16)	Краснодарский, Хабаровский края, Астраханская, Вологодская, Кемеровская, Липецкая, Мурманская, Ростовская, Тамбовская, Томская, Ярославская области (11)
Менее 25	Башкирия, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Курская область (4)	Адыгея, Курганская область (2)	Кабардино-Балкария, Мордовия, Татарстан, Орловская область (4)

Примечание. Использованы данные: [Нечаев 2004; Петров, Титков 2005].

но, недооцененным экспертным рейтингом; рейтинг МЦК построен во многом на мониторинге «громких событий», попавших в общенациональные СМИ, что дает при прочих равных условиях дополнительное преимущество крупным регионам;

- индекс Ванханена, рассчитанный по одной избирательной кампании, дает неизбежные отклонения в случае, если включенные в расчет выборы оказались по каким-либо причинам нетипичными для региона: конкурентными в «неконкурентном» авторитарном регионе (Башкирия, Калмыкия) или, наоборот, неконкурентными в регионе обычно «конкурентном» (Мурманская, Томская, Ярославская области и др.); тот же индекс, усредненный по нескольким (двум-трем) выборам, дал бы скорее всего более правдоподобную оценку политических режимов в регионах.

Приведенное сравнение, с одной стороны, показывает, что индекс Ванханена и экспертный рейтинг МЦК существенно различаются по значениям (из чего следует, что идея использовать индекс Ванханена как простую

замену экспертных рейтингов демократии была по крайней мере спорной), с другой — не дает каких-либо решающих доводов в пользу большей достоверности одного из них.

Сравнивая предварительно индекс Ванханена с предлагаемым рейтингом электоральной демократии (и его предшественником инструментальным рейтингом МЦК), надо отметить, во-первых, уже названную проблему оценки показателя явки (высокая явка «лучше» или «хуже»), во-вторых, общий для обоих индексов вопрос, можно ли сделать их долгосрочными, с длинным сопоставимым рядом данных, при постоянно меняющихся правилах выборов (прежде всего как их использовать для периода 2005—2011 гг., когда прямые выборы глав регионов не проводились).

Рейтинги группы «Меркатор». Индексы (рейтинги) группы «Меркатор»⁵, впервые опубликованные в 1999—2000 гг., были призваны выявить и оценить феномен, который его авторы называли «особой электоральной культурой» или «управляемым голосованием», — модель голосования, отличающуюся, как правило, резко повышенной явкой и подавляющим преимуществом одной из политических сил. Авторы определяли такой тип голосования как «советский», «азиатский» или просто «особый», противопоставляя его «демократическому», «европейскому» и «фонзовому», типичному для большинства регионов России в 1990-е годы. Предложенные группой индексы позволяли прежде всего выявить территории, которые по модели голосования соответствуют «особому типу» или приближаются к нему⁶. Противоположный полюс шкалы определяется скорее от противного — как отсутствие управляемого голосования, в его содержательной характеристике авторы иногда колеблются. По объяснению Д. Орешкина, индекс оценивает «электоральную свободу», «меру свободы и альтернативности голосования» [Орешкин 2007], «свободу избирателя... его возможности и способность проявлять на выборах независимость суждений» [Орешкин 2001]⁷. Он же, однако, указывает, что на полюсе низкой управляемости «...по логике... должны быть представлены самые демократичные регионы. Но — никакой демократичности здесь нет. Здесь есть слабая управляемость, которую можно, если нравится, назвать демократией. Но лучше — как-то по-другому» [Региональные политические поля... 2006].

Индексы группы «Меркатор» существуют типологически в двух вариантах: в более простом сопоставлялись и складывались два десятка разнородных показателей по регионам [Орешкин 2001], в более точном был использован алгоритм классификации, предложенный В. Тикуновым, и расчеты проводились по более дробным данным территориальных избирательных комиссий (городов, районов) [Тикунов, Орешкина 2000; Орешкин 2001; Орешкина 2006]. В ранней (упрощенной) методике использовались показатели прямых выборов глав регионов (количество кандидатов, отрыв победителя), общероссийских выборов, соотношения между ними (разница явки на выборах главы региона и президента России), правила выборов (ограничения активного и пассивного избирательного права в региональном законодательстве) и др. [Орешкин 2001]. Под-

бор показателей и их обоснование для авторов упрощенного рейтинга был скорее чисто техническим, второстепенным по сравнению с общим выводом: «эксперты пробовали брать за основу разные параметры, применяли разные алгоритмы расчетов, но в результате получалось примерно одно и то же: примерно в двух десятках (плюс-минус три) субъектов федерации результаты выборов неизменно вызывают вопросы. Их места во главе списка “электоральной странности” варьировались в зависимости от применявшихся методик, но сам список (“top 20”) почти не менялся» [Тикунов, Орешкина 2000].

При расчете индекса по методике В. Тикунова берутся данные по какому-либо одним общенациональным выборам (президентским или думским). Состав индикаторов и их количество (от пяти до девяти) изменяется от публикации к публикации [Орешкин 2001; Орешкин 2007; Тикунов, Орешкина 2000], но общая логика выбора индикаторов сохраняется. Приводимые авторами индикаторы относятся, как правило, к одному из двух типов, которые содержательно совпадают с двумя измерениями разбираемого здесь рейтинга электоральной демократии:

- Показатели явки и негативизма: доля принявших участие, доля проголосовавших «против всех», доля недействительных бюллетеней (всего, в том числе бюллетеней без отметок и бюллетеней с несколькими отметками). Признаками «особого типа» для этих показателей принято отклонение от среднего (общего по России) значения: чем больше разница, тем сильнее аномалия.
- Показатели конкуренции: доля голосов за победителя («монолитность» голосования), отрыв между победителем и вторым кандидатом (партией), доля голосов за двух/трех первых кандидатов (за две/три первых партии)⁸. Для них «особый тип» распознается по отсутствию конкуренции, преобладающей поддержке какой-то одной политической силы.

Алгоритм расчета предполагает, что самые высокие значения получают территории, в которых «особые» значения обнаруживаются по всем или почти всем параметрам. Отклонения, даже значительные, по одному или нескольким параметрам помещают территорию в промежуточную группу между «особой» и «фоновой» культурами.

Оценивая сильные и слабые стороны индекса (рейтинга) группы «Меркатор», надо помнить, что исследовательские задачи, которые он должен был решать, были скорее политико-географическими — прежде всего определить ядра «особой» и «фоновой» электоральных культур и переходные зоны между ними [Орешкин 2001; Орешкина 2006]. Удачно решая эту задачу, индекс «Меркатора» слабо приспособлен для другой, не менее важной для сравнительного индекса демократии — определения динамики. Авторы рейтинга справедливо замечают, что изменения индекса от выборов к выборам зависят прежде всего от характера избирательной кампании: так, «во время президентских кампаний наблюдаются поляризация мнений и мобилизация избирателей вокруг того или иного кандидата,

что отражается в повышенной монолитности голосования и увеличении индекса» [Орешкин 2007]. Решить эту проблему относительно просто (можно считать динамику отдельно для президентских и для думских выборов), но остается неразрешимой проблема более общая, заложенная в саму структуру индекса. Расчет ряда ключевых индикаторов (явка, недействительные бюллетени, «против всех») по отклонению от среднего значения приводит к тому, что для них база отсчета будет изменяться от выборов к выборам, из-за чего значения за разные годы заведомо нельзя будет сравнить, увеличилась управляемость (или свобода) выборов или уменьшилась. Если, например, значение таких индикаторов управляемости выборов вырастет/уменьшится на X единиц (или в X раз) везде, в каждой территориальной ячейке, значение индекса останется в этой части практически неизменным, притом что произошедший сдвиг может быть существенным.

Индексы оценки фальсификаций («явка — доля голосов» и др.). Индекс группы «Меркатор» занимает промежуточное положение между общими рейтингами оценки демократии (или, по версии авторов, «социокультурной среды») и специальными техниками оценки искажений (фальсификаций) на выборах: по замыслу его можно отнести к первым, по методике и по области применения — ко вторым. Методики статистической оценки фальсификаций на выборах, отличаясь от рейтингов демократии по заявленным целям, сближаются с ними как по исходным представлениям о демократии, так и по технике оценки.

Внимания заслуживают прежде всего методики, основанные на расчете соотношения «явка — доля голосов за кандидатов (партии)». Такие методики, с одной стороны, используются в России чаще, чем другие, именно по ним были получены результаты, которые могут обсуждаться в связи с расчетами рейтинга демократии по регионам⁹. С другой стороны, заложенное в их основу исходное предположение, что «распределение голосов между кандидатами статистически не зависит от явки» [Бузин, Любарев 2008, с. 199; Методы анализа 2011], напрямую перекликается с теоретическими представлениями Р. Даля и Т. Ванханена о конкуренции и участии как двух главных, относительно независимых измерениях демократии.

Применительно к выборам в России идея оценки на основе соотношения «явка — распределение голосов» была предложена А. Собяниным и В. Суховольским [Собянин, Суховольский 1995]¹⁰. В последние годы используются, как правило, методики расчета, предложенные Институтом «Открытая экономика» [Кунов, Мягков, Ситников, Шакин 2004] и С. Шпилькиным [Шпилькин 2011; Шень 2012 и др.]. Исследованиями «Открытой экономики» [Кунов, Мягков, Ситников, Шакин 2004] и А. Бузина и А. Любарева [Бузин, Любарев 2008] были предложены названия расчетных показателей, оценивающих степень искажения результатов выборов:

- коэффициент поддержки дополнительных избирателей (ПДИ), равный коэффициенту уравнения линейной регрессии между явкой (независимая переменная) и долей голосов за соответствующего кандидата/пар-

тию (зависимая переменная) [Кунов, Мягков, Ситников, Шакин 2004, с. 23—25; Бузин, Любарев 2008, с. 197—199];

- коэффициент смещения регрессионной линии (СРА), равный свободному члену того же уравнения линейной регрессии [Бузин, Любарев 2008, с. 197—199].

По логике исследователей, в неискаженных выборах коэффициент ПДИ должен быть близок к доле избирателей, поддержавших соответствующего кандидата (партию)¹¹, а коэффициент СРА должен быть нулевым [Бузин, Любарев 2008, с. 198—199].

К настоящему времени опубликованы и доступны для сравнения расчет ПДИ и СРА для президентских выборов 2008 г. [Методы анализа 2011], расчет СРА по нескольким десяткам регионов для думских выборов 1995—2007 гг. и президентских выборов 1996—2008 гг. [Бузин, Любарев 2008, с. 209—242].

Использования показателей связи «явка — доля голосов» в качестве индикаторов фальсификации выборов или, в более широком смысле, их (не)демократического характера, остается спорным, прежде всего из-за двух соображений:

- индикаторы (ПДИ, СРА) перестают работать, если очень сильно искажены или полностью сфальсифицированы оба показателя — и явка, и голоса за кандидатов/партии [Калинин 2011];
- нет однозначных доказательств, что значимая статистическая связь между явкой и долей голосов связана именно с административными искажениями, а не с социально-культурной неоднородностью избирателей [Кобак 2011]¹².

Рейтинг проекта «Демократический аудит» и инструментальный рейтинг демократичности МЦК. Оценка общей демократичности выборов, предложенная группой «Меркатор» в рамках проекта «Демократический аудит» [Орешкин 2006; Региональные политические поля... 2006; Яковенко 2006]¹³, и инструментальный рейтинг демократичности МЦК [Petrov 2004, p. 249—267] достаточно близки по замыслу и по составу индикаторов, чтобы рассматриваться вместе в сравнении.

По общему замыслу оба рейтинга исходили из двух предпосылок, одинаковых для обоих проектов:

- должны оцениваться как общенациональный (федеральный), так и региональный уровни выборов;
- между регионами существуют значительные политико-культурные различия, выделяются «демократическая» и «советская» («особая») модели выборов; рейтинги обнаруживают и оценивают прежде всего контраст между этими двумя моделями¹⁴.

Оба рейтинга составлены из похожих компонентов (табл. 2), которые затем переводятся в балльную шкалу и складываются в итоговую оценку. Содержательные различия, как и в случае с индексом Ванханена, связаны главным образом с использованием показателей явки и негативного

голосования («против всех» и недействительные бюллетени) и с тем, как они могут быть переведены в шкалу «больше демократии — меньше демократии».

Таблица 2. Состав рейтинга общей демократичности выборов (группа «Меркатор», проект «Демократический аудит регионов» — ДА, 2006 г.) и инструментального рейтинга демократичности регионов (МЦК, 2002 г.)

Тип выборов	Участие	Протест	Конкуренция	Другое
Президентские	Явка (ДА, МЦК)	Против всех (ДА, МЦК) Недействительные (ДА)	Доля победителя (ДА) Эффективное число (МЦК)	Доля победителя: раз- ница «страна — террито- рия» (ДА)
Думские (списки)	Явка (ДА, МЦК)	Против всех (ДА, МЦК) Недействительные (ДА)	Доля победителя (ДА) Эффективное число (МЦК)	Доля победителя: раз- ница «страна — террито- рия» (ДА)
Думские (округа)	—	Против всех (МЦК)	Эффективное число (МЦК)	—
Выборы глав реги- онов	Явка (ДА, МЦК)	Против всех (ДА, МЦК)	Количество кандида- тов (ДА) Отрыв победителя в первом туре (ДА) Эффективное число (МЦК)	Срок главы у власти (ДА) Замены главы (МЦК) Нарушения на выборах (МЦК)
Региональные собрания	Явка (ДА)	Против всех (ДА)	—	Барьер для партий (ДА)

Источники: [Орешкин 2006; Региональные политические поля... 2006; Petrov 2004].

Очевидная проблема для обоих рейтингов состоит в том, что в опубликованном виде они приспособлены только к условиям первой половины 2000-х годов, применение их к более позднему периоду возможно только после переделки, учитывающей отмену прямых выборов глав регионов, выборов в Госдуму по одномандатным округам и голосования «против всех».

Сопоставление всех перечисленных расчетных индексов обнаруживает существенное сходство оценок (статистическая связь значима при уровне 0,01) между ними всеми за исключением индекса Ванханена, который обнаруживает значимую связь только с оценкой демократичности региональных выборов проекта «Демократический аудит» (табл. 3).

Сходство между индексами во многом основано на том, что все они оценивают прежде всего различия между регионами с «особой культурой» и всеми остальными. Такой вывод можно сделать, сравнивая уровень статистической связи между индексами в двух вариантах (табл. 3а и 3б):

- для всех регионов за вычетом 15 регионов с самыми высокими оценками демократии (свободы выборов),
- для всех регионов за вычетом 15 регионов с самыми высокими оценками управляемости (авторитаризма, фальсификаций).

В первом случае значимость статистической связи почти не меняется, во втором она существенно уменьшается. С исключением «особых регионов» сохраняется статистическая связь между инструментальным рейтин-

Таблица 3. Сравнение показателей демократии, электоральной свободы и фальсификаций по регионам России, 2000-е годы

Показатель	МЦК	«Меркатор» 1995— 2004 гг.	«Меркатор» региональ- ный	«Меркатор» общий	ПДИ 2008 г.	СРЛ 2008 г.	Индекс Ванханена
Инструментальный рейтинг демократичности (МЦК, 2004 г.)	1,00						
Интегральный индекс электоральной культуры 1995—2004 гг. («Меркатор», 2006 г.)	0,75	1,00					
Демократичность региональных выборов («Меркатор», 2006 г.)	-0,72	-0,66	1,00				
Общая оценка демократичности выборов («Меркатор», 2006 г.)	-0,70	-0,81	0,85	1,00			
Коэффициент поддержки дополнительных избирателей («Голос», 2008 г.)	0,54	0,57	-0,52	-0,54	1,00		
Коэффициент смещения регрессионной линии («Голос», 2008 г.)	-0,49	-0,51	0,49	0,50	-0,98	1,00	
Индекс Ванханена [Нечаев, 2004]	-0,17	-0,12	0,39	0,22	0,03	-0,02	1,00

Примечание. 1. Коэффициенты корреляции с индексом Ванханена рассчитаны по 70 регионам (без Дагестана, Ингушетии, Северной Осетии, Тувы, Чечни, Амурской области, Москвы, С.-Петербурга, Еврейской автономной области, всех автономных округов), остальные индексы корреляции рассчитаны по 81 региону (без Дагестана, Чечни и автономных округов, потерявших в 2005—2007 гг. статус субъекта Федерации: Агинского Бурятского, Коми-Пермяцкого, Таймырского (Долгано-Ненецкого), Усть-Ордынского Бурятского, Эвенкийского). Расчет всех коэффициентов корреляции по 70 регионам дает практически такие же результаты.

2. Курсивом выделены незначимые коэффициенты корреляции (уровень значимости 0,05).

Источники: [Petrov 2004; Орешкин 2006; Методы анализа 2011; Нечаев 2004].

гом демократичности МЦК и индексом демократичности региональных выборов группы «Меркатор» (см. выше о сходстве между ними), но перестает быть значимой связь между ними и двумя оценками статистических аномалий на выборах — индексом электоральной культуры и коэффициентом поддержки дополнительных показателей (между двумя этими индексами связь также исчезает).

Таблица 3а. То же за вычетом 10 регионов с наивысшими общими оценками демократии и/или свободы выборов (Амурская, Архангельская, Волгоградская, Ивановская, Калининградская, Камчатская, Кировская, Нижегородская, Псковская, Рязанская, Сахалинская, Смоленская, Тверская области, Красноярский и Ставропольский края)

Показатель	МЦК	«Меркатор» 1995—2004 гг.	«Меркатор» региональный	«Меркатор» общий	ПДИ 2008 г.
Инструментальный рейтинг демократичности (МЦК, 2004 г.)	1,00				
Интегральный индекс электоральной культуры 1995—2004 гг. («Меркатор», 2006 г.)	0,74	1,00			
Демократичность региональных выборов («Меркатор», 2006 г.)	-0,68	-0,65	1,00		
Общая оценка демократичности выборов («Меркатор», 2006 г.)	-0,66	-0,83	0,80	1,00	
Коэффициент поддержки дополнительных избирателей («Голос», 2008 г.)	0,49	0,57	-0,47	-0,54	1,00

Таблица 36. То же за вычетом 10 регионов с наивысшими оценками «особой культуры» выборов, авторитаризма и/или фальсификаций (Адыгея, Башкирия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Мордовия, Северная Осетия, Татарстан, Тува, Белгородская, Орловская области, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа)

Показатель	МЦК	«Меркатор» 1995—2004 гг.	«Меркатор» региональный	«Меркатор» общий	ПДИ 2008 г.
Инструментальный рейтинг демократичности (МЦК, 2004 г.)	1,00				
Интегральный индекс электоральной культуры 1995—2004 гг. («Меркатор», 2006 г.)	0,21	1,00			
Демократичность региональных выборов («Меркатор», 2006 г.)	-0,46	-0,27	1,00		
Общая оценка демократичности выборов («Меркатор», 2006 г.)	-0,38	-0,80	0,71	1,00	
Коэффициент поддержки дополнительных избирателей («Голос», 2008 г.)	0,21	0,10	-0,14	-0,16	1,00

Приложения

Таблица П1. Экспертный рейтинг демократичности регионов за 2001—2010 гг.

Регион	Итоговая оценка 1991— 2001гг.	1999— 2003гг.	2000— 2004гг.	2001— 2005гг.	2002— 2006гг.	2003— 2007гг.	2004— 2008гг.	2005— 2009гг.	2006— 2010гг.	Итоговая оценка 2001— 2011гг.
Адыгея	22	23	23	24	25	25	25	25	25	25
Алтай	28	27	27	25	29	30	29	32	31	31
Башкирия	18	17	18	19	20	20	21	22	23	24
Бурятия	30	30	30	31	31	31	31	31	31	31
Дагестан	24	24	25	25	25	25	25	27	28	26
Ингушетия	15	17	17	17	17	17	17	18,5	19	18
Кабарди- но-Балкария	17	16	17	16	18	18	19	19	20	18
Карачае- во-Черкесия	24	22	23	23	24	24	24	27	27	25
Карелия	41	39	41	41	41	40	38	40	39	39
Коми	27	35	36	35	35	35	34	34	34	34
Марий Эл	28	27	27	26	26	26	26	25	25	25
Мордовия	21	20	20	20	20	20	19	19	19	19
Северная Осетия	19	19	19	20	20	20	22	22	22	21
Татарстан	23	22	23	24	25	25	26	27	27	27
Тува	19	17	17	17	18	18	22	25	23	22
Удмуртия	33	30	30	31	31	30	31	31	31	31
Хакасия	29	23	23	23	24	24	25	26	26	26
Чечня							19	19	16	17
Чувашия	31	33	33	32	33	32	32	32	31	32
Якутия	21	28	28	28	27	27	27	27	27	27
Алтайский край	25	25	27	33	34	35	34	34	35	33
Забайкаль- ский край	25	26	26	26	26	27	27	29	29	27

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТАБЛ. П1

Регион	Итоговая оценка 1991— 2001гг.	1999— 2003гг.	2000— 2004гг.	2001— 2005гг.	2002— 2006гг.	2003— 2007гг.	2004— 2008гг.	2005— 2009гг.	2006— 2010гг.	Итоговая оценка 2001— 2011гг.
Камчатский край	29	30	29	30	32	32	32	32	32	32
Краснодар- ский край	26	28	27	28	27	28	28	29	30	29
Краснояр- ский край	33	38	41	42	42	43	42	39	40	40
Пермский край	41	42	41	44	41	43	43	43	42	42
Приморский край	23	28	28	26	27	28	29	31	32	31
Ставрополь- ский край	25	26	27	28	29	32	31	30	31	30
Хабаровский край	25	25	25	28	28	29	31	30	30	30
Амурская область	26	26	26	27	29	30	30	29	29	29
Архангель- ская область	37	37	37	41	41	41	40	37	35	39
Астрахан- ская область	28	27	27	29	30	30	31	30	30	30
Белгород- ская область	28	25	25	25	25	25	25	25	25	25
Брянская область	28	28	28	28	27	27	27	26	26	27
Владимир- ская область	29	32	34	35	35	35	35	35	34	34
Волгоград- ская область	34	32	32	34	34	35	36	36	36	35
Вологодская область	32	29	29	29	28	29	29	29	29	29
Воронежская область	25	29	29	32	32	32	32	33	33	33
Ивановская область	29	27	27	29	28	29	28	28	29	29
Иркутская область	37	36	36	39	40	40	41	40	42	41
Калинин- градская область	34	35	35	37	36	36	34	36	36	36
Калмыкия	14	19	20	21	22	22	23	23	23	22
Калужская область	29	31	31	32	33	33	34	34	36	34

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТАБЛ. П1

Регион	Итоговая оценка 1991— 2001гг.	1999— 2003гг.	2000— 2004гг.	2001— 2005гг.	2002— 2006гг.	2003— 2007гг.	2004— 2008гг.	2005— 2009гг.	2006— 2010гг.	Итоговая оценка 2001— 2011гг.
Кемеровская область	28	25	25	25	24	24	24	23	24	24
Кировская область	29	28	28	28	29	29	28	31	31	31
Костромская область	31	30	30	29	29	29	28	28	27	28
Курганская область	24	24	24	24	24	24	24	24	24	24
Курская область	21	22	22	22	22	22	22	22	22	22
Ленинград- ская область	32	35	35	35	35	35	36	36	36	35
Липецкая область	27	26	26	26	27	28	29	29	29	28
Магаданская область	26	29	29	31	31	31	30	29	29	30
Московская область	30	34	35	32	28	28	28	29	30	32
Мурманская область	30	31	31	31	31	33	35	34	35	33
Нижегород- ская область	40	40	41	42	41	38	38	38	37	38
Новгород- ская область	30	33	35	36	36	33	33	32	32	33
Новосибир- ская область	37	38	39	39	40	40	40	40	39	39
Омская область	29	29	29	29	29	30	30	28	28	29
Оренбург- ская область	26	29	30	30	30	30	31	31	32	31
Орловская область	21	24	24	24	26	26	27	27	28	26
Пензенская область	25	27	27	28	28	28	28	27	27	27
Псковская область	27	34	34	37	37	36	36	35	35	35
Ростовская область	24	26	26	25	25	25	25	25	26	25
Рязанская область	27	28	28	32	31	30	31	30	30	31
Самарская область	37	41	42	45	45	45	42	38	37	41

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТАБЛ. П1

Регион	Итоговая оценка 1991— 2001гг.	1999— 2003гг.	2000— 2004гг.	2001— 2005гг.	2002— 2006гг.	2003— 2007гг.	2004— 2008гг.	2005— 2009гг.	2006— 2010гг.	Итоговая оценка 2001— 2011гг.
Саратовская область	26	25	26	28	29	28	28	30	30	28
Сахалинская область	33	32	33	34	36	35	35	35	36	35
Свердловская область	43	46	45	45	44	42	42	42	42	43
Смоленская область	27	28	27	27	27	27	27	27	26	27
Тамбовская область	26	27	28	28	28	28	28	28	28	28
Тверская область	28	29	30	33	35	35	34	34	34	34
Томская область	29	30	30	31	31	33	34	35	37	34
Тульская область	26	28	28	30	31	30	30	30	30	30
Тюменская область	30	34	34	34	33	33	32	30	30	32
Ульяновская область	22	25	25	27	27	29	29	28	30	29
Челябинская область	34	36	36	36	36	36	36	36	36	36
Ярославская область	37	31	31	36	38	38	38	38	39	38
Москва	29	31	31	30	30	30	29	27	30	30
С.-Петербург	45	43	41	42	41	40	40	39	40	41
Еврейская АО	23	23	23	23	23	23	22	22	23	23
Ненецкий АО	23	27	27	28	29	32	32	32	29	29
Ханты-Мансийский АО	32	33	33	33	33	34	34	32	32	32
Чукотский АО	17	19	20	18	18	18	19	19	18	18
Ямало-Ненецкий АО	28	29	29	29	30	30	30	28	28	29
В среднем	27,5	28,3	28,6	29,3	29,6	29,0	30,1	30,1	30,2	

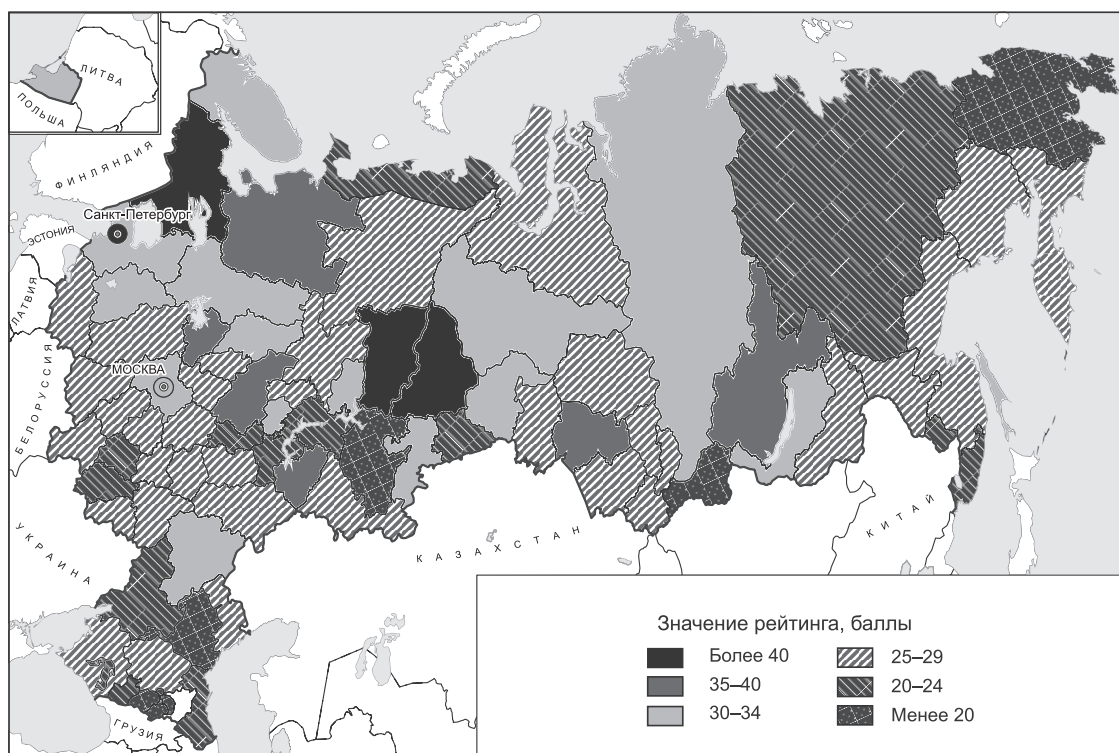

Рис. П1. Экспертный рейтинг демократичности регионов за 1991—2001 гг. (в баллах)

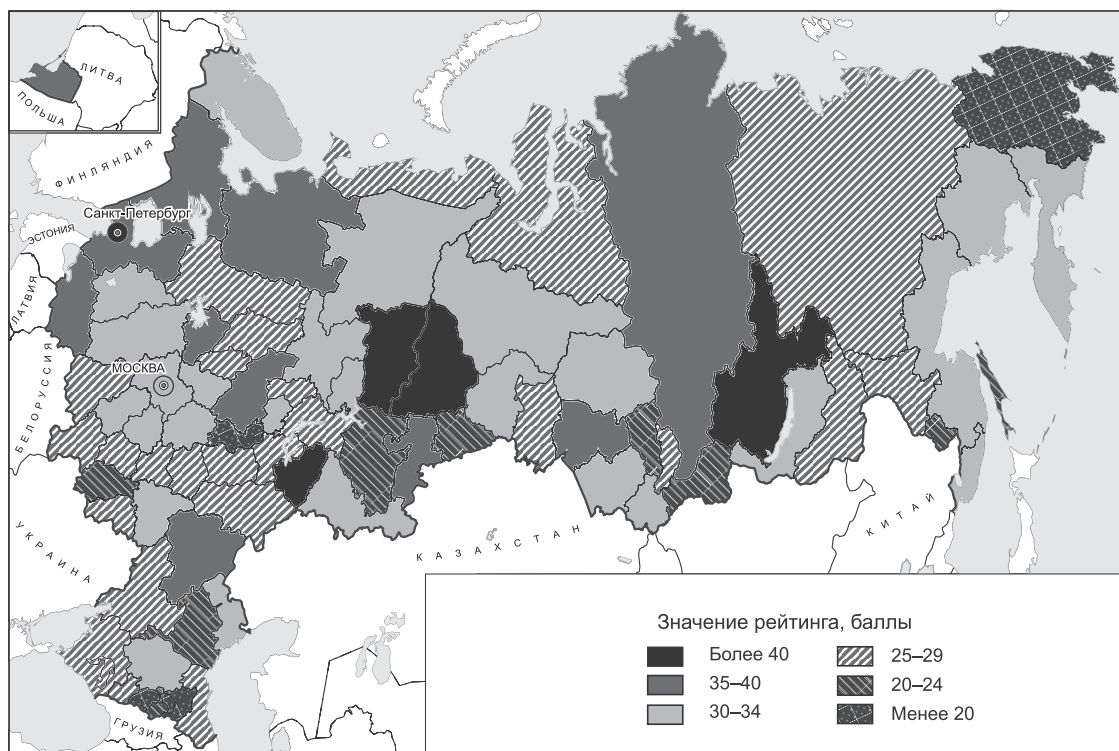

Рис. П2. Экспертный рейтинг демократичности регионов за 2001—2011 гг. (в баллах)

Таблица П2. Экспертный рейтинг демократичности регионов за 2006—2010 гг.

Место	Регион	Открытость	Демократичность выборов	Политический плюрализм	Независимые СМИ
1	Пермский край	5	3	4	5
2—3	Иркутская область	4	5	5	5
2—3	Свердловская область	4	5	4	5
4—5	Красноярский край	4	4	3	4
4—5	С.-Петербург	5	3	4	5
6—8	Карелия	4	4	4	4
6—8	Новосибирская область	4	4	4	4
6—8	Ярославская область	5	4	4	4
9	Нижегородская область	5	3	3	4
10—11	Самарская область	4	3	3	4
10—11	Томская область	4	4	3	4
12—17	Волгоградская область	4	5	4	3
12—17	Калининградская область	4	3	4	4
12—17	Калужская область	4	4	3	3
12—17	Ленинградская область	4	4	3	3
12—17	Сахалинская область	4	4	4	3
12—17	Челябинская область	4	4	4	4
18—21	Алтайский край	4	3	4	4
18—21	Архангельская область	3	3	3	4
18—21	Мурманская область	4	4	3	4
18—21	Псковская область	4	4	3	3
22—24	Владимирская область	4	4	4	3
22—24	Коми	3	4	4	3
22—24	Тверская область	4	4	4	4
25	Воронежская область	4	2	4	3
26—30	Камчатский край	4	4	4	2
26—30	Новгородская область	3	3	3	3
26—30	Оренбургская область	3	4	3	4
26—30	Приморский край	4	3	3	4
26—30	Ханты-Мансийский АО	4	3	2	2
31—36	Алтай	3	4	4	4
31—36	Бурятия	3	3	3	3
31—36	Кировская область	4	3	4	3
31—36	Ставропольский край	4	4	3	3
31—36	Удмуртия	3	3	3	3

Экономическая либерализация	Гражданское общество	Политическое устройство	Элиты	Коррупция	Местное самоуправление	Суммарный рейтинг
5	5	5	5	3	3	43
4	5	4	3	2	5	42
4	5	5	3	3	4	42
5	4	4	4	4	4	40
4	5	4	4	3	3	40
4	4	4	3	4	4	39
4	4	4	4	3	4	39
4	4	4	3	3	4	39
4	4	4	5	3	3	38
4	4	4	4	3	4	37
5	4	3	3	3	4	37
3	3	4	3	3	4	36
4	4	4	3	3	3	36
5	3	3	4	4	3	36
4	4	3	4	3	4	36
3	4	4	4	3	3	36
4	3	4	3	3	3	36
3	4	4	3	3	3	35
4	4	4	4	3	3	35
3	3	4	3	3	4	35
4	4	3	3	3	4	35
4	3	3	3	3	3	34
4	3	3	4	3	3	34
4	3	3	3	2	3	34
4	4	3	3	3	3	33
3	4	3	3	2	3	32
4	3	3	3	3	4	32
3	3	3	3	3	3	32
3	5	3	2	2	3	32
4	4	3	3	3	4	32
3	3	3	2	2	3	31
4	3	3	3	3	3	31
3	2	3	3	3	3	31
3	3	3	3	2	3	31
3	4	3	3	3	3	31

Место	Регион	Открытость	Демократичность выборов	Политический плюрализм	Независимые СМИ
31—36	Чувашия	3	2	2	3
37—46	Астраханская область	4	2	4	2
37—46	Краснодарский край	5	3	2	3
37—46	Москва	5	2	3	4
37—46	Московская область	5	2	3	2
37—46	Рязанская область	3	3	3	3
37—46	Саратовская область	3	2	4	4
37—46	Тульская область	3	3	3	3
37—46	Тюменская область	3	2	2	3
37—46	Ульяновская область	3	3	3	3
37—46	Хабаровский край	3	3	3	2
47—53	Амурская область	3	3	3	3
47—53	Вологодская область	3	3	3	2
47—53	Забайкальский край	3	4	3	2
47—53	Ивановская область	3	3	3	3
47—53	Липецкая область	3	3	3	2
47—53	Магаданская область	3	3	3	2
47—53	Ненецкий АО	3	3	4	2
54—58	Дагестан	4	2	4	3
54—58	Омская область	3	2	3	3
54—58	Орловская область	3	3	3	2
54—58	Тамбовская область	3	3	3	2
54—58	Ямало-Ненецкий АО	3	2	2	3
59—63	Карачаево-Черкесия	3	3	4	2
59—63	Костромская область	3	3	3	2
59—63	Пензенская область	3	3	2	3
59—63	Татарстан	4	2	2	2
59—63	Якутия	3	3	2	2
64—67	Брянская область	3	2	3	3
64—67	Ростовская область	3	2	3	2
64—67	Смоленская область	3	3	3	3
64—67	Хакасия	3	3	3	2
68—70	Адыгея	3	2	3	2
68—70	Белгородская область	3	2	2	2
68—70	Марий Эл	3	2	2	2
71—72	Башкирия	3	2	3	2
71—72	Кемеровская область	2	2	2	2
73—74	Курганская область	2	3	2	2
73—74	Тува	3	3	3	2

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТАБЛ. П2

Экономическая либерализация	Гражданское общество	Политическое устройство	Элиты	Коррупция	Местное самоуправление	Суммарный рейтинг
4	3	3	3	5	3	31
3	4	3	3	2	3	30
3	4	3	3	2	2	30
3	4	3	3	2	1	30
3	4	3	3	2	3	30
3	4	3	3	2	3	30
3	3	3	3	2	3	30
3	3	3	3	3	3	30
3	4	3	4	3	3	30
3	3	3	3	3	3	30
3	4	3	3	3	3	30
3	3	3	3	3	2	29
3	3	3	3	3	3	29
2	3	3	3	3	3	29
3	2	3	3	3	3	29
4	2	3	3	3	3	29
3	3	3	3	3	3	29
3	4	3	2	2	3	29
2	3	3	2	1	4	28
3	3	3	2	3	3	28
3	3	3	3	2	3	28
3	2	3	3	3	3	28
3	2	3	3	3	4	28
2	3	3	2	2	3	27
3	3	3	2	3	2	27
3	2	3	2	3	3	27
3	3	3	3	3	2	27
3	2	3	3	3	3	27
2	3	3	2	2	3	26
3	3	3	2	2	3	26
3	2	3	2	2	2	26
3	3	2	2	2	3	26
2	3	3	2	2	3	25
3	2	3	2	3	3	25
3	2	3	2	3	3	25
2	3	3	3	2	1	24
3	3	2	2	3	3	24
2	2	3	1	3	3	23
2	2	2	2	2	2	23

Место	Регион	Открытость	Демократичность выборов	Политический плюрализм	Независимые СМИ
75—77	Еврейская АО	2	2	2	2
75—77	Калмыкия	3	2	3	2
75—77	Северная Осетия	3	2	2	2
78	Курская область	3	2	2	2
79	Кабардино-Балкария	2	1	2	1
80	Ингушетия	3	1	2	2
81—82	Мордовия	1	2	2	2
81—82	Чукотский АО	1	1	1	1
83	Чечня	2	1	1	1
	<i>В среднем</i>	3,4	2,9	3,0	2,9

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТАБЛ. П2

Экономическая либерализация	Гражданское общество	Политическое устройство	Элиты	Коррупция	Местное самоуправление	Суммарный рейтинг
2	2	3	1	3	3	22
2	3	2	2	1	2	22
2	3	2	2	2	2	22
2	2	2	1	3	2	21
3	2	2	2	2	3	20
1	3	2	2	2	1	19
2	2	2	1	2	2	18
3	1	2	3	3	2	18
2	2	1	2	3	1	16
3,2	3,2	3,1	2,8	2,7	3,0	30,1

Литература

Бузин А., Любарев А. Преступление без наказания: Административные технологии федеральных выборов 2007—2008 годов. — М.: Никколо М, 2008.

Ванханен Т. Демократизация в сравнении (Лекция 29 ноября 2005 года) / Русские чтения; Ин-т обществ. проектирования // <http://www.inop.ru/reading/vanhnen/>.

Гельман В. Измерение демократии и современная политика: к методологии анализа. — 2006. — Рукопись.

Гельман В. Я. Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе / Европ. ун-т в С.-Петербурге. — СПб., 2008.

Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. — М.: Изд. дом ГУ — ВШЭ, 2010. — Русский перевод работы «Polyarchy: Participation and Opposition».

Демократический аудит: Предварительные результаты / Ин-т «Обществ. экспертиза». — М., 2005 (<http://www.freepress.ru/publish/publish043.shtml>).

Калинин К. Железный аргумент для ЦИКа: статистика не докажет фальсификации // Слон.ru. — 2011. — 19 дек. (http://slon.ru/russia/zheleznyy_argument_dlya_tsika_statistika_ne_dokazhet_falsifikatsii-726144.xhtml).

Калинин К. Как исследовать электоральные фальсификации // Троицкий вариант. — 2012. — 13 марта (<http://trv-science.ru/2012/03/13/kak-issledovat-ehlektoralnye-falsifikatsii/>).

Кобак Д. Математика выборов-2011: дополнение // Троицкий вариант. — 2011. — 20 дек. (<http://trv-science.ru/2011/12/20/matematika-vyborov-2011-dopolnenie>).

Кунов А., Мягков М., Ситников А., Шакин Д. Россия и Украина: нерегулярные результаты регулярных выборов / Ин-т «Открытая экономика». — М., 2005.

Методы анализа. 2011 // Электоральная статистика / Ассоциация «Голос» // <http://stat.golos.org/pages/3>.

Нечаев В. Территориальная организация местного самоуправления в регионах России: генезис и институциональные эффекты. — Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2004.

Оreshкин Д. Б. География электоральной культуры и цельность России // ПОЛИС (Полит. исследования). — 2001. — № 1. — С. 73—93.

Оreshкин Д. [Презентация, 2006] // http://www.politeia.ru/files/26-01-06/Oreshkin_presentation.ppt.

Орешкин Д. Мы нашли, где прячется административный ресурс // Новая газ. — 2007. — 29 нояб.

Орешкин Д., Орешкина Д. География электоральной культуры России // Обществ. науки и современность. — 2006. — № 5. — С. 20—34.

Петров Н. Политическое пространство России // Политический альманах России 1997. — Т. 1: Выборы и политическое развитие / Под ред. М. Макфола и Н. Петрова. — М.: Моск. Центр Карнеги, 1998а. — С. 13—163.

Петров Н. Голосования 1989—1997 гг.: общие закономерности // Политический альманах России 1997. — Т. 1: Выборы и политическое развитие / Под ред. М. Макфола и Н. Петрова. — М.: Моск. Центр Карнеги, 1998б. — С. 302—365.

Петров Н. По результатам исследований Пермская область оказалась демократичнее Москвы и Санкт-Петербурга // Regions.ru. — 2002. — 16 окт.

Петров Н. Демократичность регионов России. — М., 2005. — (Брифинг Моск. Центра Карнеги; т. 7, вып. 9).

Петров Н. Демократичность регионов // Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник / Под ред. Н. Петрова, А. Титкова; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 173—185.

Петров Н., Титков А. Индекс демократичности // Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый ин-т социал. политики. — М.: Поматур, 2005. — С. 84—86.

Пшевцовский А. Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. — М.: РОССПЭН, 1999.

Региональные политические поля России: сравнительный анализ [Семинар «Полития»] // http://www.politeia.ru/politeia_seminar/10/42, 26 января 2006 г.

Сидоренко А. Демократия в российских регионах [Отчет о семинаре 23 ноября 2005 г.]. — Архив А. Титкова.

Сидоренко А. Семинар по методикам оценивания демократичности стран и регионов в Московском Центре Карнеги 15 июня 2006 г. [Краткий отчет]. — Архив А. Титкова.

Сморгунов Л. В. Современная сравнительная политология. — М.: РОССПЭН, 2002.

Собянин А., Суховольский В. Демократия, ограниченная фальсификациями: выборы и референдумы в России 1991—1993 гг. / Проектная группа по правам человека. — М., 1995 (<http://www.hrights.ru/text/sob/>).

Тикунов В., Орешкина Д. «Управляемая демократия»: российский вариант // Со-Общение (приложение к журналу «Эксперт»). — 2000. — № 11—12. — С. 61—65.

Хайкин С., Попов Н. 2012. Проблемы Северного Кавказа и эффективность государственной политики в оценках местного населения // Полития. — № 4. — С. 169—185.

Шень А. Выборы и статистика: казус «Единой России» (2009—2012) // <http://www.lif.univ-mrs.fr/~ashen/elections.pdf>, 2012 г.

Шилькин С. Статистика исследовала выборы: Статистический анализ выборов в Госдуму в 2011 году показывает возможные фальсификации // Газета.ру. — 2011. — 10 дек. // http://www.gazeta.ru/science/2011/12/10_a_3922390.shtml.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия // Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. — М.: Эксмо, 2008. — С. 363—824. — Русский перевод работы «*Capitalism, Socialism and Democracy*».

Яковенко И. Демократический аудит России: анализируем уровень свободы и демократии в российских регионах // Новая газ. — 2005. — 12 дек.

Akhmedov A., Zhuravskaya E. Opportunistic Political Cycles: Test in a Young Democracy Setting // *Quart. J. of Economics*. — 2004. — 119 (4). — P. 1301—1338.

Campbell D. The Basic Concept for the Democracy Ranking of the Quality of Democracy // http://www.democracyranking.org/downloads/basic_concept_democracy_ranking_2008_A4.pdf.

Dahl R. A. Who Governs: Democracy and Power in an American City. — New Haven: Yale Univ. Press, 1961.

Dahl R. A. Polyarchy: Participation and Opposition. — New Haven; London: Yale Univ. Press, 1971.

Gervasoni C. A Rentier Thoery of Subnational Regimes: Fiscal Federalism, Democracy and Authoritarianism in the Argentine Provinces // *World Politics*. — 2010. — 62. — № 2. — P. 302—340.

Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe // *Comparative Political Studies*. — 1979. — № 12 (1). — P. 3—27.

Lankina T. V., Getachew L. A Geographic Incremental Theory of Democratization: Territory, Aid, and Democracy in Postcommunist Regions // *World Politics*. — 2006. — 58 — № 4 (July). — P. 536—582.

Petrov N. Regional Models of Democratic Development // *Between Dictatorship and Democracy: Russian Post-Communist Political Reform* / McFaul M., Petrov N., Ryabov A. (eds). — Washington: Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2004. — P. 239—267.

Remington Th. Democracy, Governance and Inequality: Evidence from the Russian Regions / Centre for Advanced Studies, Higher School of Economics. — Moscow. 2008. — (Working Papers WP13/2008/02).

Saikkonen I. Electotal Autoritarianism in Russia's Regiona During the Presidencies of Boris Yeltsin and Vladimir Putin: Report on Annual Conference of British Political Studies Association, Manchester, 2009, 7—9 April.

Sartori G. Parties and Party Systems. — Colchester: ECPR Press, 2005.

Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy*. — London: Allen&Unwin, 1943.

Vanhanen T. Dependence of Power on Resources: A Comparative Study of 114 States in the 1960's. / Univ. of Jyväskylä, Inst. of Social Sciences. — Jyväskylä, 1971.

Vanhanen T. Power and the Means of Power: A Study of 119 Asian, European, American, and African States, 1950—1975 / Centre for the Study of Developing Societies, Delhi. — Ann Arbor: Univ. Microfilms Intern., 1979.

Vanhanen T. The Emergence of Democracy: A Comparative Study of 119 States, 1850—1979. — Helsinki: The Finnish Society of Sciences and Letters, 1984. — (Commentationes Scientiarum Socialium; 24).

Vanhanen T. Construction and Use of an Index of Democratization // *Monitoring Social Progress in the 1990s: Data Constraints, Concerns and Priorities* / D. Westendorff, D. Ghai (eds.). — Avebury: Aldershot, 1993. — P. 301—321.

Vanhanen T. Prospects of Democracy: A Study of 172 countries. — London; New York: Routledge, 1997.

Vanhanen T. Polyarchy Dataset Manuscript. — Oslo: Intern. Peace Research Inst., 2000 (<http://www.prio.no/Data/Governance/Vanhanens-index-of-democracy/Polyarchy-Dataset-Manuscript/>).

Vanhanen T. Democratization: A Comparative Analysis of 170 Countries. — London; New York: Routledge, 2003.

Примечания

- 1 http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/NIT2013_Tables_FINAL.pdf, 29 октября 2013 г.
- 2 Обзоры рейтингов см., например: [Сморгунов 2002, с. 247—276; Campbell 2008 и др.]. См. также подборку на интернет-сайте «Democracy Barometer» (http://www.democracybarometer.org/links_en.html).
- 3 «Демократический метод это такое институциональное устройство... при котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [Шумпетер 2008; Schumpeter 1943, p. 667]; «демократия это система, при которой партии проигрывают выборы» [Пшеворский 1999].
- 4 Ср. с анализом В. Гельмана [Гельман 2006], в котором для классификации методик измерения демократии («рейтинга рейтингов») предложены кроме названных двух измерений также критерии «минимальный — максимальный набор индикаторов», «минимальная — максимальная дробность», «простые индексы — композитные индексы», «взвешивание частных показателей — нет взвешивания». Все эти критерии, на наш взгляд, могут рассматриваться как дополнительные, уточняющие первые два основных измерения.
- 5 Разработкой и расчетом описываемых индексов (рейтингов) занимались специалисты Института географии РАН (группа «Меркатор») и МГУ (Лаборатория комплексного картографирования) В. Козлов, Д. Орешкин, Д. Орешкина, В. Тикунов.
- 6 Авторы методики подчеркивают, что статистические методы сами по себе не позволяют установить, имеем ли мы дело с особым поведением избирателей или с искажающими картину административными манипуляциями; для них «...неважно, с прямыми фальсификациями мы имеем дело или народ здесь действительно так страстно любит начальство. Главное, налицо социокультурная среда, которая допускает и даже предполагает формирование подобных странных результатов» [Орешкин 2007]. Доводом в пользу административной фальсификации в «особых» регионах для них служили скорее неправдоподобные, статистически невероятные данные первичных протоколов, прежде всего с одинаковым распределением голосов по всем избирательным участкам района [Региональные политические поля... 2006; Орешкин 2009]. На сегодня версию о преимущественно административном происхождении «особого типа голосования» подтверждают также полевые опросы на Северном Кавказе [Хайкин, Попов 2012] и наблюдение по веб-камерам на президентских выборах 2012 г. [Титков 2012 и др.].

- 7 По Д. Орешкиной [Орешкина 2006] оценивается «степень реальной независимости или, наоборот, управляемости участников избирательного процесса».
- 8 Не попадают в выделенные два типа индикаторы «регионального патриотизма» (разница между долей голосов за победителя в районе/городе и результатом этого кандидата/партии по стране в целом) и голосование за досрочно выбывшего кандидата/партию. Включение в индекс этих двух показателей или их исключение можно считать несущественным для общих выводов.
- 9 Другие известные и обсуждаемые методики оценки фальсификации, построенные на сравнении с гауссовой кривой нормального распределения [Шпилькин 2011], с «законом Бенфорда» («законом первой цифры») и др., пока не привели к публикациям, в которых содержалась бы количественная оценка искажений по регионам. Такого рода расчеты технически возможны, но, видимо, просто не рассматривались как насущная задача.
- 10 Собянин и Суховольский [Собянин и Суховольский 1995] обратили внимание, что на выборах в Совет Федерации 1993 г. соотношение «явка — голоса за победителя» было «ровным» (отсутствие зависимости) в регионах, где глава администрации не участвовал или проиграл, и положительным в регионах, где глава администрации участвовал и выиграл.
- 11 В докладе Института «Открытая экономика» [Кунов, Мягков, Ситников, Шакин 2004] «нерегулярность» по каждому региону определялась как разница между ПДИ и относительной поддержкой кандидата.
- 12 Доводом в пользу социально-культурного происхождения по крайней мере части различий могут служить, в частности, рассчитанные Д. Кобаком (личная переписка, данные не публиковались) региональные коэффициенты ПДИ для сельских районов. В них обнаруживается, за вычетом нескольких аномальных регионов, правильный географический (зональный) градиент: коэффициенты 0,3—0,5 в типичном Нечерноземье и на Урале, 0,5—0,6 в переходной полосе (широта Москвы) и 0,7—0,9 в черноземных и степных районах. Фальсификации на уровне регионов проявляются, как правило, наоборот, в нарушении плавных естественных градиентов.
- 13 Общий рейтинг демократичности состоит из интегрального индекса электоральной культуры, рассчитанного по методике В. Тикунова (см. выше) по данным общенациональных выборов 1995—2004 гг., и оценки демократичности региональных выборов, полученной по ряду показателей выборов глав регионов и законодательных собраний [Орешкин 2006].
- 14 Ср. с объяснением Н. Петрова, что в основе инструментального рейтинга демократичности лежали предположения, что переход советской административно-командной модели выборов к демократической в основном произошел, однако может быть выделена группа регионов (в основном национальных республик), в которых сохранилась модель выборов, близкая к советской [Petrov 2004, p. 250].

Об авторах

Николай Петров — профессор факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), кандидат географических наук, в 1996—2012 гг. руководитель регионального проекта Московского Центра Карнеги.

Алексей Титков — доцент факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, доцент философско-социологического отделения Российской академии народного хозяйства и государственной службы, кандидат географических наук, в 1997—2005 гг. координатор регионального проекта Московского Центра Карнеги.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги, основанный в 1994 г. Фондом Карнеги за Международный Мир, — исследовательская организация, в рамках которой ведущие российские эксперты совместно с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги имеют возможность изучать коренные проблемы российской внутренней политики, экономики, международных отношений. Московский Центр Карнеги является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественно-политической жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основная задача которой — содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшению международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд Карнеги за Международный Мир на протяжении более ста лет своего существования занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Фонд Карнеги за Международный Мир является первой глобальной научно-исследовательской организацией с отделениями в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе, Соединенных Штатах Америки. Фонд Карнеги первым в мире воплотил в жизнь идею о том, что в современных условиях экспертно-аналитической организации, задачей которой является содействие глобальной безопасности, стабильности, процветанию, необходимо иметь постоянные отделения в других странах и использовать межнациональный подход в качестве основополагающего принципа своей деятельности. В сегодняшнем мире, где постоянно усиливаются взаимозависимость и взаимосвязанность глобальных проблем, роль такой организации особенно актуальна.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

**РЕЙТИНГ ДЕМОКРАТИЧНОСТИ РЕГИОНОВ
МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА КАРНЕГИ:
10 ЛЕТ В СТРОЮ**

Николай Петров, Алексей Титков

Редактор А. Иоффе
Дизайнер русскоязычной версии Я. Красновский
Компьютерная верстка Ю. Мосягин

Подписано к печати 02.12.2013
Формат 60х90 1/8.
Гарнитура Garamond Premier Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 6,5
Тираж 550 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна
Россия, 125040, Москва,
Ленинградский проспект, 11-28
classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги
Россия, 125009, Москва
Тверская ул., д. 16/2
Тел.: + 7 495 935 8904
Факс: + 7 495 935 8906
Email: info@Carnegie.ru
www.Carnegie.ru

Отпечатано в типографии «August Borg»
107497, Москва, Амурская ул.,
д. 5, стр. 2